

мысль Кавказа : сб. научных трудов. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 165–167.

6. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Теоретический курс второго иностранного языка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dep_anglmetkaf.pnzgu.ru/files/dep_anglmetkaf.pnzgu.ru/umk_teoreticheskiy_kurs_2-go_iya.pdf. – Дата доступа: 16.10.2008.

7. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов 5 курса факультета иностранных языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-319684.html?page=5>. – Дата доступа: 09.04.2012.

УДК 811.112.2'367

А. П. Нарчук

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ РАСПРОСТРАНЕННОГО ПРИЧАСТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением распространенного причастного определения и особенностями его функционирования в немецкой художественной прозе. Анализ проводился на базе синтаксических образований, состоящих из причастий и поясняющих его слов, и расположенных в препозиции к определяемому существительному. В статье предпринимаются попытки установления закономерностей использования распространенных причастных определений в повседневном немецком языке на фоне их функционирования в научно-техническом стиле.

Во всех языках группа существительного является одним из основных компонентов предложения. Она позволяет включать в себя самые различные сочетания слов, воспроизводящие любые синтаксические отношения. Примером таких образований является распространенное причастное определение – одно из явлений грамматической системы немецкого языка, трудно поддающихся для изучения. Отношение исследователей к данной конструкции прошло путь от ее полного отрицания, когда она рассматривалась как искусственное образование, чуждое природе немецкого языка (Л. Зюттерлин, О. Бехагель), до укрепления позиций языковедов, считающих, что

распространенное определение является эффективным синтаксическим средством компрессии информации, с помощью которого в группе существительного выражается максимально сложное содержание при минимуме языковых средств (Э. Г. Ризель, В. Г. Адмони, Е. И. Шендельс).

Принципиальной чертой распространенного определения является предикативность, благодаря чему оно выступает как свернутый вариант нескольких предложений и эквивалент их полных предикативных структур. Например: *In der Tat hatten sich die **zunächst den Schläfen und über die Stirne liegenden** Locken Nettchens leise bewegt* [1, с. 51]. Сегмент предложения, содержащий распространенное определение, может быть представлен следующими вариантами построения:

(1) *In der Tat hatten sich die Locken Nettchens leise bewegt. Die Locken liegen zunächst den Schläfen und über die Stirne.*

(2) *In der Tat hatten sich die Locken Nettchens, die zunächst den Schläfen und über die Stirne liegen, leise bewegt.*

В предложении с распространенным определением мы наблюдаем синтагматический вид связи, при котором компонент *zunächst den Schläfen und über die Stirne liegenden* встраивается в виде специализированной цепочки между элементами *die* и *Locken Nettchens*. Компонент *in der Tat hatten sich die Locken Nettchens leise bewegt*, называемый Х. Вебером «матричным предложением» [2, с. 20], является исходной структурой и содержит в своем составе свободную позицию, которая заполняется «конституентным элементом» *die Locken liegen zunächst den Schläfen und über die Stirne*. Он является в исходном предложении неизменным и при трансформациях находит различное языковое выражение в зависимости от того, какие синтаксические средства при этих трансформациях используются. В частности, варианты построения (1) и (2) могут быть дополнены следующими возможностями:

(3) *In der Tat hatten sich die Locken Nettchens – sie liegen zunächst den Schläfen und über die Stirne – leise bewegt.*

(4) *In der Tat hatten sich die Locken Nettchens, zunächst den Schläfen und über die Stirne liegend, leise bewegt.*

Следует заметить, что все эти варианты с семантической точки зрения синонимичны и различаются только синтаксическими средствами выражения. Надо полагать, что для системы немецкого языка они являются схемами первичными, а их объединение в рамках жесткой иерархии элементов распространенного определения, в котором один элемент модифицирует или уточняет значение и функцию другого, представляется явлением, возникшим в немецком языке в более

позднее время. Весьма показательно в этом смысле утверждение В. Г. Адмони о том, что распространенное определение как естественная грамматическая конструкция принадлежит к регулярным составным частям немецкой синтаксической системы лишь начиная с 18 столетия [3, с. 41]. В более ранние периоды развития немецкого языка эти сочетания представлены в немногочисленном виде и весьма однообразно. При этом во многих работах по немецкой грамматике абсолютизируется латинское влияние, якобы навязавшее строю немецкого языка чуждую ему форму.

Х. Вебер в своей монографии «Das erweiterte Adjektiv- und Partizipialattribut im Deutschen» утверждает, что немецкий язык 9 в., формирующийся из различных диалектов, распространенного определения еще не знал [2, с. 77]. Если обратиться к конкретным памятникам древневерхненемецкого периода, то можно заметить, что в них достаточно редко встречаются только конструкции, которые лишь условно могут быть названы распространенными определениями: *ein vil hohez amt, ein als arbeitsamez leben* [4, с. 61]. Важнейшей причиной такого положения явилось, видимо, отсутствие в этот период необходимости выражения в рамках группы существительного сложных коммуникативных потребностей. Письменный немецкий язык находился в стадии становления и обходился при передаче возникающего многообразия смысловых связей другими, унаследованными из индоевропейского языка грамматическими формами, как, например, постпозитивные определения, причастные обороты, подчиненные определительные предложения: *inti siu gibar ira sun **erist boranon*** [4, с. 21] (und sie gebar ihren Sohn **erst geborenen**); *thar warun steininu uuazzarfaz sehsu **gisezitu after subernessi thero Iudeono*** [4, с. 23] (dort waren sechs steinerne Wasserfässer, **gesetzt nach dem Sauberkeitsgebot der Juden**); *farames zi Bethleem inti gisehemes thaz uuort **thaz thar gitan ist*** [4, с. 22] (fahren wir nach Bethleem und sehen wir das Wort, **das dort getan ist**).

Весьма показательно, что в приведенных примерах потенциально возможно применение распространенного определения: *inti siu gibar ira **erist boranon** sun* (und sie gebar ihren **erst geborenen** Sohn); *thar warun sehsu **after subernessi thero Iudeono gisezitu** steininu uuazzarfaz* (dort waren sechs **nach dem Sauberkeitsgebot der Juden gesetzte** steinerne Wasserfässer); *farames zi Bethleem inti gisehemes thaz **thar gitane** uuort* (fahren wir nach Bethleem und sehen wir das **dort getane** Wort). Однако древневерхненемецкое предложение пока еще следует старой индоевропейской традиции использования конструкций, расположенных в постпозиции к ядру группы существительного, как это, например, характерно для современного английского языка: *the job turned out to*

be beyond his rather limited abilities. Такой тип построения, при котором смысловые связи высказывания свободно реализуются за рамками группы существительного, еще долгое время определяет картину немецкого предложения, пока не будет дополнен новыми средствами выражения в новейший период. Примеры, датируемые 16 в., пока еще не содержат полноценных распространенных определений, а свидетельствуют о приверженности немецкого языка модели старого индоевропейского типа: *die bittet er, dass sie mit ihm in das Dorf Rimlich, eine halb Meil Wegs von Wittenberg gelegen, wollten spazieren* [5, с. 252].

С активизацией распространенного причастного определения возникает возможность включения в группу существительного значительной части синтаксических связей, смещающих центр тяжести смысловой структуры с группы глагола и выражающих более сложное содержание в группе существительного, благодаря чему значительно увеличивается ее семантическую емкость. Присутствие в группе существительного причастия как отглагольного образования создает уже по своей внутренней природе предпосылки для введения в эту группу поясняющих его членов В. Г. Адмони считает, что таким образом возникает совершенно естественная для немецкого языка синтаксическая конструкция, в рамках которой сохраняются и при благоприятных обстоятельствах реализуются сочетательные потенции глагола [3, с. 40].

Следует отметить, что распространенное определение не становится при таких условиях формой, которая вытесняет из употребления постпозитивные причастные обороты и придаточные предложения. Оно выступает как средство, разнообразящее план выражения, к которому можно прибегать, когда автор художественного произведения считает, как пишет В. Г. Адмони, что «благоприятные обстоятельства» для реализации сочетательных потенций отглагольного образования наступили. Соответственно этому факторы использования распространенных причастных определений в художественной литературе и научно-техническом языке не являются равнозначными. Как известно, научно-технический стиль отличается стремлением к синтаксической компрессии и увеличению объема информации при максимальном сокращении объема текста. Поскольку при построении распространенного определения некоторые содержательные компоненты высказывания направляются в препозитивную часть группы существительного, чтобы, как полагает В. Г. Адмони, не задержать развитие мысли и не увести ее в сторону [6, с. 77–78], это делает его наиболее пригодным языковым материалом для эффективной передачи научной информации.

В художественном стиле все элементы системы произведения подчинены решению эстетических задач. В художественный текст возможно включение всех имеющихся в наличии языковых средств. Распространенное определение может использоваться как новая потенциальная возможность реализации индивидуального замысла автора не столько в целях усиления эффективности логикопознавательной функции, сколько под воздействием эмоциональных и экспрессивных факторов, требующих создания убедительных и запоминающихся образов.

Обратимся к некоторым примерам из произведения И. В. Гете «Die Leiden des jungen Werther». Наряду с однообразными сочетаниями типа *mein oft schauderndes Herz; an einem artig besetzten Tisch; die künftig drohende Gefahr*, которые были характерны и для древневерхненемецкого предложения, употребляются также полноценные распространенные определения: *Als wir in den **mit zwei hohen Nussbäumen überschatteten** Pfarrhof traten, saß der gute alte Mann auf einer Bank vor der Haustür, und da er Lotten sah, ward er wie neu belebt, vergaß seinen Knotenstock und wagte sich auf, ihr entgegen* [7, с. 25].

Совершенно очевидно, что с точки зрения реализации структурного фактора в указанном примере вместо распространенного определения возможно применение обособленного причастного оборота либо подчиненного предложения. Но индивидуальная коммуникативная установка автора требует в данном конкретном случае концентрации смысла, связанного с ядерным элементом *Pfarrhof* в группе существительного, с тем, чтобы без задержки, на одном дыхании перейти к последующему семантическому комплексу предложения. В случае включения в предложение вместо распространенного определения постпозитивных конструкций эта непосредственность и динамичность была бы потеряна, а изначальная установка автора была бы уведена в сторону. Следовательно, речь может идти о противопоставлении и взаимодействии двух разных типов построения, которые В. Г. Адмони называет «однонаправленный» и «разветвленный» [6, с. 112]. Каждый из них выполняет при их использовании в словесной ткани художественного произведения свою собственную функциональную нагрузку.

Например, в исследованном нами произведении встречается и второй тип построения: *Wenn ich jene Berge, vom **Fuße bis auf zum Gipfel mit hohen dichten Bäumen bekleidet**, jene Täler in ihren mannigfaltigen Krümmungen von den lieblichsten Wäldern beschattet sah und der sanfte Fluss zwischen den lispelnden Rohren dahingleitete und die lieben Wolken abspiegelte, die der sanfte Abendwind am Himmel herüberwiegt; wenn ich dann die Vögel um mich den Wald beleben hörte und die Millionen*

Mückenschwärme im letzten roten Strahle der Sonne mutig tanzten: wie fasste ich das alles in mein warmes Herz, fühlte mich in der überfließenden Fülle wie vergöttert [7, с. 43]. В отличие от распространенного определения конструкции *vom Fuße bis auf zum Gipfel mit hohen dichten Bäumen **bekleidet*** и *von den lieblichsten Wäldern **beschattet*** вклиниваются между ядром группы существительного и последующим составом предложения, образуя периферийные предикативные звенья в виде ответвлений от основного предикативного отношения высказывания, которые функционируют в нем как свернутые предложения с предикативными центрами *bekleiden* и *beschatten*. Хотя эти предикативные центры отвлекают внимание читателя от общего протекания действия и определенным образом нарушают строгое грамматическое построение предложения, они через свое атрибутивное начало сохраняют тесное единство с основным содержанием и обеспечивают высказыванию размеренность и неторопливость.

Следует отметить, что частота употребления как распространенных определений, так и обособленных причастных оборотов у Гете невелика. Наши наблюдения показывают, что вместо них он, главным образом, прибегает к использованию придаточных определительных предложений: *Ich erinnerte ihn an ein Mädchen, **das man vor weniger Zeit im Wasser gefunden**, und wiederholte ihm ihre Geschichte* [7, с. 41]. Примечательно, что в этом конкретном примере автор выстраивает придаточное предложение, сокращая в нем сказуемое до причастия II *gefunden*, что приближает его к причастному обороту, придавая, таким образом, всему высказыванию большую спаянность и монолитность. Но основная часть придаточных определительных построена традиционно: *Einen jähen Berg zu klettern ist dann meine Freude, durch einen unwegsamen Wald einen Pfad durcharbeiten, durch die Hecken, **die mich verletzen**, durch die Dornen, **die mich zerreißen!*** [7, с. 47]; *Ich erinnerte mich der Unruhe, der Tränen, der Dumpfheit des Sinnes, der Herzensangst, **die ich in dem Loche ausgestanden hatte*** [7, с. 62]. Автор преднамеренно избегает распространенных определений, поскольку они нарушили бы своеобразный ритм эмоционального лирического описания.

Аналогичное положение с использованием распространенных причастных определений наблюдается и в более поздних произведениях немецкой художественной прозы. Их частотность остается невысокой и определяется индивидуальным стилем автора и эмоциональной насыщенностью произведения. Следует подчеркнуть, что они используются на фоне большого количества конструкций, которые могут быть названы как квазираспространенные определения, встречающиеся уже в старейшем памятнике древнегерманской

эпической поэзии «Das Hildebrandslied», написанном на исконном народном языке: *dat uuas so friuntlaos man* [4, с. 11] (das war ein **so freundloser** Mann); *dat du neo dana halt mit sus sippan man dinc ni gileitos* [4, с. 11] (dass du doch niemals noch mit **so nahe gesipptem** Mann Verhandlungen führtest). Такие изначально естественные для немецкой грамматической системы элементы в своем употреблении не могут быть каким-либо образом интерпретированы: *eine ganz gute Wirkung; an einem artig besetzten Tisch* [7, с. 9] *der künftig drohenden Gefahr* [7, с. 13]; *in einem rings umfangenden Tode* [7, с. 42].

Если говорить о полноценных распространенных определениях с большим количеством компонентов, то их употребление в художественной литературе по сравнению с научно-техническими текстами всегда мотивировано и может рассматриваться, как утверждает Х. Вебер, в плоскости литературной стилистики [2, с. 111]. На ранней стадии развития языка они функционировали как естественные грамматические формы еще в достаточно примитивном виде, но с усложнением мыслительных процессов преобразовались в функционально значимые комплексы, могущие выражать более глубокие смыслы. Для современной художественной прозы характерно умеренное использование распространенных причастных определений, что соответствует их исконной грамматической природе как синонимических образований, функционирующих параллельно с другими синтаксическими структурами. Было бы неправильно считать эти конструкции инструментом исключительно научно-технического языка, поскольку, как показывает наш анализ, к ним уже с давних пор охотно прибегают мастера художественного стиля. Неодинаковая частотность, размеры и структурные модели распространенных определений зависят от индивидуально-стилистической специфики конкретных произведений.

Литература

1. Keller, G. Kleider machen Leute / G. Keller. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2000. – 72 S.
2. Weber, H. Das erweiterte Adjektiv- und Partizipialattribut im Deutschen / H. Weber. – München: Max Hueber Verlag, 1971. – Linguistische Reihe. Band 4. – 252 S.
3. Адмони, В. Г. Распространенные причастные определения в современном немецком языке / В. Г. Адмони // Иностранные языки в школе. – М., 1965. – № 1. – С. 38–45.
4. Чесоданов, Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чесоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.

5. Bender, E. Deutsches Lesebuch. Obersekunda / E. Bender. – Karlsruhe: Verlag G. Braun, 1965. – 271 с.

6. Адмони, В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / В. Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1973. – 176 с.

7. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werther / J. W. Goethe. – Hamburg: Lesehefte Verlag, 2009. – 115. Heft.

УДК 811.112.2'367

Н. Е. Тихоненко

НЕМЕЦКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЙ ВАЛЕНТНОСТИ СТЕРЖНЕВОГО СЛОВА

В данной статье рассматриваются семантические особенности функционирования глагольных словосочетаний, которые образуются в результате реализации одной обстоятельственной валентности стержневого глагола. Данный тип словосочетаний в силу присущих ему обязательных и факультативных валентностей стержневого глагола сочетается с существительным, наречием, причастием и числительным. Сочетаясь с зависимым существительным и наречием, глагольные словосочетания выражают временные, пространственные, определительно-обстоятельственные, причинные, целевые, уступительные отношения и отношения обусловленности. Словосочетания с зависимым причастием и числительным выражают определительно-обстоятельственные, временные и количественно-определительные отношения.

Валентность относится к числу наиболее популярных понятий современной лингвистики, несмотря на то, что ни содержание, ни соотношение этого понятия с некоторыми смежными явлениями нельзя считать полностью определёнными. Доктор филологических наук, профессор М. Д. Степанова в своём исследовании «О «внешней» и «внутренней» валентности слова» пишет, что наиболее близким по значению термином к данному понятию является слово «сочетаемость» [1, с. 13].

Обязательные валентности требуют непременно своей реализации в речи. Только при условии их реализации слово может вообще